

ВМЕСТО ПРЕДИСЛОВИЯ

Я родился и вырос в одном из самых древних русских городов на стыке России, Белоруссии и Украины — Смоленске. Этот город, стоявший на пути к Москве против многих чужеземных завоевателей, неоднократно сгорал дотла, а потом воскресал из пепла и разорения. Смоленщина, пожалуй, одна из самых многострадальных частей России.

Мое детство кончилось 28 июня 1941 года, когда от прямого попадания бомбы сгорел дотла наш дом, стоявший на самом берегу Днепра... Тогда же, в июле, я последний раз увидел отца: он приехал с фронта повидаться с нами. Капитан инженерно-саперных войск...

Хорошо помню, как с бабушкой, младшим и двоюродным братьями добирались из Смоленска через Сухиничи и Козельск до Калуги... Дорогу простреливали фашистские самолеты. Еще воспоминание: страшный голод в эвакуации. Заглушить его можно было только махрой. Это уже в Балашове, в Саратовской области. Там я пошел на военный завод, который восстанавливал поврежденное оружие, поступавшее с фронта. Разборка, выправление того, что можно исправить, чистка — все это делали мы, мальчишки. Нам доверяли. Хотя многие из нас подставляли ящики, чтобы достать до суппорта станка.

Потом уже, много лет спустя, во время одной из командировок мне показалось, будто увидел именно свой станок. И вдруг захотелось к нему подойти. Было неловко: а что как не сумею, не вспомню? Но руки легли на металл, и все получилось, руки помнили. Школу закончил в Смоленске с золотой медалью.

Потом был юридический факультет МГУ. В те годы он оставался центром большой науки и высочайшей школой знаний для тысяч детей войны. Здесь преподавали академики Несмеянов и Зелинский, Шмидт и Тарле. На юридическом факультете читали лекции многие из дореволюционной школы: историки Юшков и Галанза, такие виднейшие специалисты по гражданскому, международному и уголовному праву, как Новицкий и Дурденевский, Трайнин и Меньшагин, блестящий знаток политических и правовых учений Кечекьян. Скажу прямо, я с огромным интересом поглощал идущий от них поток знаний, учился той удивительной увлеченности, с какой они относились к научным исследованиям.

Но это была только часть того, что давал университет. В наше университетское общежитие на Стромынке, 32 в первые послевоенные годы часто приезжали известные литераторы, композиторы, артисты. Мы их, конечно, боготворили. Но, думаю, и им было интересно с нами! Тогда я увиделся, был очарован Михаилом Светловым, молодым Юрием Трифоновым, Николаем Тихоновым, Ярославом Смеляковым, Константином Симоновым. Слушал Рихтера и Гилельса, Михайлова и Максакову, Яхонтова и Качаряна. Соприкосновение с этими людьми оставило след на всю жизнь.

Для недавних фронтовиков и для нас, приезжих, многое в столице было внове. И ребята-москвичи часто над нами подшучивали: то-то мы не читали, то-то не ви-

дели, о том-то не знаем. Наверное, это и стало стимулом: ночи напролет мог читать Флобера, Джека Лондона, Канта... А еще ночами приходилось грузить на вокзалах уголь, дрова, овощи. Стипендия-то была — 290 рублей, как говорится, на старые деньги. Грузили, зато назавтра шли в консерваторию или во МХАТ на галерку.

В 1953 году закончил университет, а в 1956 году — аспирантуру по кафедре теории государства и права.

После аспирантуры я был направлен на работу в Юридическую комиссию при Совете Министров СССР. Здесь занимался главным образом сравнительным правоведением, был экспертом при заключении первых договоров о правовой помощи с зарубежными странами, прежде всего с государствами Варшавского Договора.

В 1961 году меня перевели из правительственного аппарата в Верховный Совет СССР. Тут предстояла большая работа по обновлению законодательства и подготовке проекта новой Конституции страны. В связи с этим пришлось основательно изучать документы по истории становления и развития нашего конституционного строя, в том числе материалы из личного архива Сталина. Работая в отделе по вопросам работы Советов, секретарем парткома аппарата Президиума Верховного Совета СССР, часто выезжал на места, побывал практически во всех союзных республиках. Защитил кандидатскую, а потом докторскую диссертацию.

Тема диссертации: «История и теория законодательства о советских представительных органах». Исследовал закономерности развития органов государственной власти, законодательства об их функциях. В диссертации есть глава — по вопросам сравнительного права, западного и нашего. Начал заниматься этими вопросами еще в 1956 году, когда меня взяли в правительствен-

ный аппарат. Продолжал анализировать, сравнивать зарубежные и наши правовые институты. Так постепенно профессиональная работа начала сливаться с политической. Тяга к науке осталась, и, честно говоря, в моменты разочарования, а они, по-моему, бывают у каждого думающего человека, мечтал снова заняться наукой.

В 1976 — 1977 годах участвовал в подготовке проекта союзной Конституции, работая в аппарате ЦК КПСС. Затем снова вернулся на работу в парламент, где до 1983 года был начальником Секретариата Президиума Верховного Совета СССР.

В январе 1983 года по предложению Ю.В. Андропова был переведен на работу в ЦК КПСС. Там был сначала первым заместителем заведующего, а потом заведующим Общим отделом, обслуживающим непосредственно Политбюро и Секретариат Центрального Комитета партии. Дальнейшие мои назначения состоялись уже в эпоху перестройки.

Часть 1

ПОСЛЕДНИЕ ГОДЫ СССР

О заседаниях Политбюро в ночь с 10 на 11 марта 1985 года и на следующий день написано уже немало. Когда-нибудь и я расскажу о них подробнее...

В ту бессонную ночь была подготовлена речь М.С. Горбачева на Пленуме ЦК, который открылся на следующий день выступлением А.А. Громыко, внесшего предложение о новом Генеральном секретаре Центрального Комитета. Избрание на этот пост М.С. Горбачева было подготовлено всем ходом событий, многочисленными встречами и беседами Е.К. Лигачева и других членов Политбюро с местным партийным активом, с членами Центрального Комитета. Скажем прямо, поддержка была достаточно внушительная. Уж очень надоели людям дряхлые старцы во главе страны, догматизм, неэффективность управления, экономический и политический застой.

Теперь нужна была программа практических действий, четкие ориентиры развития общества. В этом ключе шла подготовка к апрельскому (1985 г.) Пленуму Центрального Комитета. Материалы к нему готовились в пригороде Москвы Вольнском — рядом с бывшей ближней дачей И.В. Сталина. День и ночь шли горячие споры, высказывались прямо противоположные точки

зрения. Но уже тогда наметились сначала не очень ощутимые, а потом все более заметные трещины в нашей тогда еще более или менее единой команде. Там, в частности, уже в те апрельские ночи 1985 года у нас были споры с А.Н. Яковлевым и о частной собственности на землю, и о введении многопартийности, и об отношении к странам Восточной Европы. В одном из своих интервью «Литературной газете» в 1991 году Яковлев признал, что еще весной в 1985 году он предлагал ввести в Советском Союзе двухпартийную систему.

На апрельском Пленуме был провозглашен курс на усиление научно-технического прогресса, на развитие активности в различных областях общественной жизни. Нужно было обновлять кадры партии, налаживать новый ритм, новые методы партийной работы. 14 мая 1985 года Политбюро утвердило меня заведующим Общим отделом ЦК КПСС. Теперь мне было суждено постоянно быть в курсе важнейших событий, которые были связаны с работой Политбюро. Народное хозяйство, снабжение населения, основные узлы международных отношений — все это находилось в то время в поле зрения Политбюро и Секретариата ЦК. Конечно, были среди их решений того времени немало поспешных, недостаточно продуманных документов, — таких, как решение о ведении выборности директоров предприятий, о нечем не регламентированном развитии кооперации, об антиалкогольной компании, — но было и немало точных, выверенных шагов, особенно в сфере усиления информированности людей и организации партийной работы на местах.

Много сил потребовали подготовка и проведение в конце февраля — начале марта 1986 года XXVII съезда партии. Принятые на нем документы, резолюции по во-

просам партийного и государственного строительства, гласности, укрепления законности и правопорядка — должны были прежде всего служить ускорению развития общества. На XXVII съезде партии я был избран членом Центрального Комитета КПСС, того Центрального Комитета, политика которого уместилась в одно трудное, многозначное и спорное слово — перестройка.

То, что вмещало в себя это понятие и что оно принесло нашему народу, видимо, еще не раз будет оцениваться историками, да и я отношусь к нему критически и пристрастно. Ясно, что это был перелом, перелом крутой, не всегда продуманный и последовательный, в чем-то оптимистический и в то же время глубоко трагический для миллионов людей. Дело в том, что расковать потенциальные силы общества, освободить их — это еще не все. Главное состояло в том, на что, на разрушение или созидание, будет использован этот потенциал, насколько шаги по разрушению старого будут согласовываться с созданием новых форм жизни, удастся ли удержать эти процессы в нормальном русле, обойтись без острых столкновений и конфронтации.

Трагедия была в том, что удержать разрушительные процессы все-таки не удалось. Все, как говорят на Руси, пошло комом, а потом покатило под откос. Задачи наращивания научно-технического прогресса довольно быстро были заменены общей задачей «ускорения», затем внедрением рыночных отношений. Вскоре вперед вырвалась политическая реформа, в ходе которой разрушительные политические процессы обернулись дезинтеграцией экономической жизни, межнациональными конфликтами, войной суверенитетов и законов, разрушением Союза ССР. Но все это было еще впереди.

* * *

На мою же долю после XXVII съезда партии выпала как раз та часть этих трудных процессов, которая была связана с политической и правовой реформой. 28 января 1987 года Пленум ЦК КПСС избрал меня секретарем Центрального Комитета, в ноябре 1987 года к этому прибавилось заведование Отделом административных органов ЦК КПСС. Скажу прямо, что почти два года пребывания на этих постах позволили основательно вникнуть во все сферы работы наших правоохранительных органов, армии, милиции, разведки. Немало пришлось решать возникавших тогда проблем — и кадровых, и законодательных, и организационных. Описание их заняло бы много страниц. Отмечу только, что ничего не прошло тогда мимо меня — ни реабилитации жертв 1936—1937 годов, ни черныбыльская катастрофа, ни смена военного руководства страны после посадки Руста на Красной площади, ни трудные решения по выводу наших войск из Афганистана, ни проблемы разоружения. Не минул меня и разгоревшийся пожар межнациональных конфликтов, когда в январе 1988 года вместе с В.И. Долгих пришлось выехать в Армению, где бушевали страсти в связи с событиями в Нагорном Карабахе и Сумгаите.

Работа секретарем ЦК фактически ввела меня в большую политику. Еще острее пришлось ощутить, насколько сложное это дело — политическая, государственная деятельность. Недаром английский лорд Галифакс говорил, что «государственная деятельность — бессердечное ремесло. Тому, кто от природы добр, здесь делать нечего». Боюсь, что это сказано и обо мне.

Трудные решения не даются без борьбы. Сентябрьский (1988 года) Пленум Центрального Комитета освободил в связи с переходом на пенсию большую группу ветеранов — членов и кандидатов в члены Политбюро ЦК КПСС. Всего более ста человек. Был ли этот шаг оправдан, мне трудно сказать. Думаю, что нет. Но в том составе, который тогда был, Политбюро в полную силу работать не могло. Взаимопонимания не было...

Решением Пленума 30 сентября 1988 года я был избран кандидатом в члены Политбюро и рекомендован на работу в Верховный Совет СССР. 1 октября 1988 года Председателем Президиума Верховного Совета был избран М.С. Горбачев. Меня избрали его первым заместителем.

Так судьба снова привела меня в парламент страны, с которым была связана четверть века, а теперь уже и 50 лет моей работы. Но тогда это были последние месяцы деятельности Верховного Совета СССР. Ему предстояло внести существенные изменения в Конституцию СССР и обеспечить проведение выборов на совершенно новой, альтернативной основе. В соответствии с принятым тогда законом предстояло избрать более двух тысяч народных депутатов СССР от территориальных и национально-территориальных округов, а также от общественных организаций. Вот эта задача и стала моим главным делом того периода. Здесь все было ново. Вопросы этой радикальной политической реформы пришлось многократно докладывать на заседаниях Политбюро и в парламенте, на многочисленных встречах с партийным и советским активом.

Выборы, которые прошли весной 1989 года, стали действительно поворотным моментом в развитии нашей государственности. Встречи с возникшей тогда «московской», а затем «межрегиональной» депутат-

ской группой показали: впервые за послеоктябрьский период родилась легальная оппозиция, требующая совершенно новых форм работы парламента. Беседы с академиком А.Д. Сахаровым, депутатами Поповым, Афанасьевым, Станкевичем, Кузьминым и другими представителями «новой волны» были трудными и жесткими. Начинаясь период, когда появлялась возможность пробудить наш спящий депутатский корпус и в полной мере осуществить старый лозунг «Вся власть Советам!»

Открывшийся в мае 1989 года первый съезд народных депутатов СССР подтвердил этот прогноз. Стенограмма съезда, за которым следила у телевизоров вся страна, дает представление о том, как труден был этот шаг политической реформы. Комментарии ученых, государствоведов и социологов даются сегодня самые разные.

Съезд тайным голосованием избрал М.С. Горбачева Председателем, а меня — первым заместителем Председателя Верховного Совета СССР — нового постоянно действующего законодательного и контрольного органа государственной власти страны. Работа в нем шла достаточно интенсивно. Постепенно выкристаллизовался обширный план законодательных работ, формировались отношения с правительством, начался складываться парламентский коллектив, способный решать стоящие перед ним трудные задачи.

Когда весной 1990 года М.С. Горбачев стал Президентом страны, третий съезд народных депутатов избрал меня Председателем Верховного Совета СССР. Эти выборы, проходившие 15 марта 1990 года, были проведены на альтернативной основе из восьми кандидатур и завершились уже в первом туре.

Естественно, что нагрузка большой государственной работой, причем работой с депутатами различной поли-

тической ориентации, поставила передо мной вопрос о возможности оставаться в составе руководящих партийных органов. Поэтому, когда в июле 1990 года XXVIII съездом КПСС я был снова избран членом Центрального Комитета партии, мы с Н.И. Рыжковым поставили перед первым, после съезда, Пленумом ЦК вопрос о нецелесообразности избирать нас в состав Политбюро. Пленум поддержал это мнение. Изменение статьи 6 Конституции СССР о новой роли Коммунистической партии с необходимостью предопределило этот наш шаг.

* * *

Конечно, судьба каждого человека, соприкасающегося с решением вопросов большой политики, не может и не должна рассматриваться изолированно от того, что в целом происходило в нашей стране в середине девяностых годов, как складывались тогда отношения в руководстве партии и государства. Ведь, так или иначе, каждый из нас, если он мало-мальски честно и критически относится к себе, обязан разделить ответственность и за просчеты, и за ошибки, и за провалы того курса, который проводился и назывался «перестройкой».

И здесь речь пойдет, прежде всего, о партии, нашей Коммунистической партии, которая была стержнем советской общественной системы. Сейчас, пусть очень схематично, можно сказать, что в работе партии, Политбюро, ее Центрального Комитета после апреля 1985 года было как бы три периода.

Первый период я назвал бы периодом надежд. Он был связан с общим энтузиазмом, доверием, которое вызывала тогда политика Горбачева и его окружения. Ему верили, его защищали, ему симпатизировали. По-

литбюро того времени действовало напряженно, заседа-
дая иногда по восемь — десять часов в неделю и решая
самый широкий круг острейших проблем. Руководство
партии работало достаточно коллегиально, без особых
обид воспринимая критику, прислушиваясь к голосу ка-
ждого. «Старики», как правило, не давили на «молодых»
своим авторитетом. Горбачев, в отличие от Брежнева и
Черненко, старался не выступать первым, взвешивал
мнения, спорил, присоединялся к наиболее дельным
предложениям.

Особенно активные позиции занимал Егор Кузьмич
Лигачев, которому было поручено вести заседания Сек-
ретариата ЦК. Все более ощутимой становится роль Ни-
колая Иванович Рыжкова, особенно в обсуждении и ре-
шении крупных хозяйственных вопросов. Политбюро
было практически едино в том, что борьба идет за уп-
рочнение социалистических общественных отношений,
ускорение научно-технического прогресса, обновление
производства, смягчение международной напряженно-
сти. В то же время ясного плана реформ тогда, конечно,
не было. Было очевидно, что надо покончить с авто-
ритарными методами управления, внедрять гласность,
быть ближе к людям, развивать их общественную актив-
ность. Этими идеями был проникнут Политический док-
лад ЦК XXVII съезду партии. Но вместе с тем Политбюро
того периода уже не олицетворяло былого «монолитно-
го единства» и ортодоксальности. Все осязаемое стано-
вятся в нем позиции людей, которые, на словах поддер-
живая лозунг «Больше социализма», занимали все более
антисоциалистические позиции, проповедовали «несо-
мненные преимущества» частного предпринимательст-
ва, частной собственности на землю, свободного рынка,
капиталистического пути развития. Особое место при-

надлежало тут А.Н. Яковлеву, ставшему к тому времени заведующим отделом пропаганды ЦК, а затем очень скоро секретарем ЦК, кандидатом в члены и членом Политбюро. К нему все чаще примыкал избранный в июле 1985 года членом Политбюро Э.А. Шеварднадзе. Появление в окружении Горбачева этих будущих его «злых гениев» вызывало недовольство стариков — членов Политбюро, накаляло в нем и без того непростую обстановку.

Горбачеву все труднее становилось маневрировать между этими крыльями своих соратников. Не обладая твердыми позициями, да, скажем прямо, и глубокими познаниями в области экономики и социологии, он прислушивался то к Яковлеву и стоявшим за ним академическим и другим кругам либерального толка, то к ортодоксам, которых защищал активный и напористый Лигачев.

* * *

Вывод Б.Н. Ельцина из состава Политбюро в январе 1988 года еще более накалил обстановку. Правда, на ноябрьском (1987 года) Пленуме ЦК и Яковлев, и Шеварднадзе дружно громили Ельцина, о чем они потом старались по возможности не вспоминать. Но борьба между Горбачевым и Ельциным (борьба, скажем прямо, зачастую без всяких правил и приличий) становится с тех пор постоянным фактором жизни наших партийных и государственных верхов.

Однако это было только прелюдией второго периода работы Политбюро, когда напряженность стала повседневным спутником его жизни. Весной 1989 года, когда Горбачев был в зарубежной поездке, с разрешения Лигачева «Советской Россией» была опубликована ста-

тья Нины Андреевой «Не могу поступиться принципами». Воспользовавшись этим, Яковлев, Медведев и Шеварднадзе наносят по Лигачеву давно задуманный удар, обвиняя его в поддержке консервативных сил, выступающих против перестройки. Проводится целое партийное расследование, за кулисами которого, несомненно, витала тень самого Генерального секретаря. Главным же режиссером этого политического спектакля был, несомненно, Яковлев. Яростное выяснение отношений состоялось на закрытом заседании Политбюро. Сохранившиеся у меня с того времени записи полны вопросов, как две капли воды похожих на идеологические экзекуции пятидесятых годов. За этим последовало отстранение Лигачева от руководства заседаниями секретариата ЦК КПСС. Теперь их стал вести послушный и тишайший Медведев, а иногда и сам Яковлев.

Время было сложнейшее. Экономика трещала по швам. Шла подготовка к выборам народных депутатов СССР, которые должны были проводиться как по территориальным округам, так и от общественных организаций. Требовалась максимальная концентрация сил. А ближайшие помощники и соратники все дальше оттаскивали Генерального секретаря ЦК в сторону от повседневных забот, связанных с укреплением социалистических устоев жизни общества. Недаром именно к концу 1989 года относятся откровения Горбачева одному из своих помощников: «Не думай, — говорил он, — что меня может что-то остановить, что есть порог, через который я не могу переступить. Все, что потребуется для самых глубоких преобразований системы, меня не смущает. Я пойду так далеко, как это будет нужно. А если говорить о конечной цели, насколько она может се-